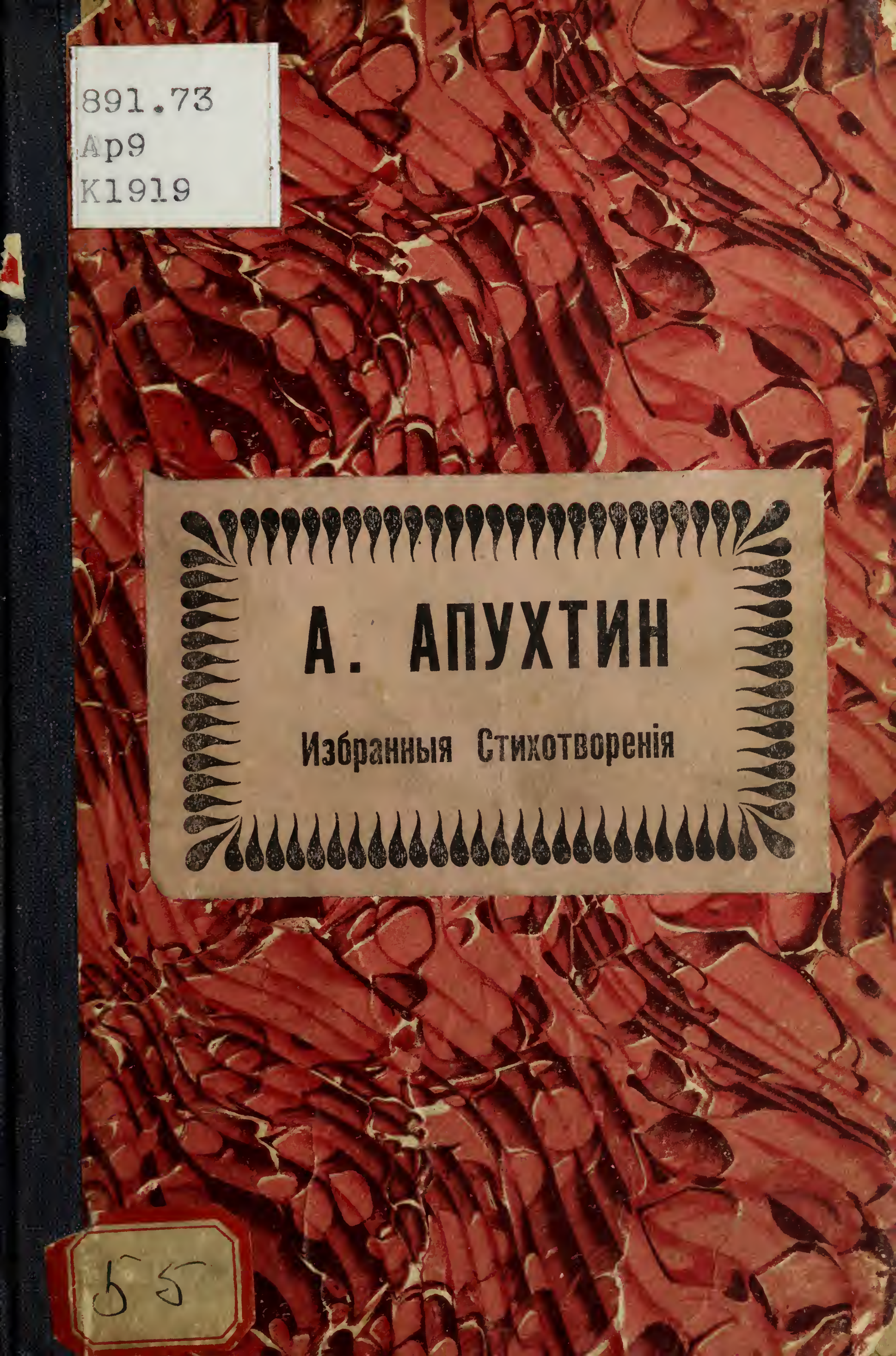

891.73
Ap9
K1919
А. АПУХТИН
Избранныя Стихотворенія

А. АПУХТИН

ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Рабочее Книгоиздательство
1919 г.

МОЕ ОПРАВДАНІЕ.

———o———

Не осуждай меня холодной думой,
Не говори, что только тот страдал
Кто в нищетѣ влачил свой вѣк угрюмый,
Кто жизни ад до капли выпивал.

А тот, кого едва не с колыбели
Тяжелое сомнѣніе гнетет,
Кто пред собой не видит ясной цѣли
И день за днем безрадостно живет?

Кто навсегда утратил вѣру в счастье,
Томясь, молил отрады у людей
И не нашел желаннаго участья,
И потерял измѣнчивых друзей?

Чей скорбный стон, стѣсненный горькій шопот
В тиши ночной мучительно звучал,—
Ужели в том таиться должен ропот?
Ужели тот, о Боже! не страдал?

12-го марта 1858 г.

В ВАГОНѢ.

———o———

Спите, сосѣди мои!
Я не засну, я считаю украдкой
Старыя язвы свои...
Вам же вѣдь спится спокойно и сладко,—
Спите, сосѣди мои!

Что за сомнѣнье в груди!
Боже, куда и зачѣм я поѣду?
Есть ли хоть цѣль впереди?
Развѣ, чтоб быть изголовьем сосѣду...
Спите, сосѣди мои!

Что за тревоги в крови!
А, ты опять тут, былое страданье,
Вѣчная жажда любви...
О, удалитесь, засните, желанья!..
Спите, мученья мои!!..

Но уж тусклѣй огоньки
Блещут за стеклами... Ночь убѣгает,
Сердце болит от тоски,
Тихо глаза мнѣ дремота смыкает...
Спите, сосѣди мои!

..**Москва, 27-го марта 1858 г.**

ПОДРАЖАНІЕ ДРЕВНИМ.

———o———

Он прійти обѣщал до разсвѣта ко мнѣ,
Я томлюсь в ожиданіи бурном,
Уж послѣднія звѣзды горят в вышинѣ,
Погасая на небѣ лазурном.
Без конца эта ночь, еще долго мнѣ ждать...
Что за шорох? Не он ли, о Боже!
Я встаю, я бѣгу... я упала опять
На мое одинокое ложе.
Близок день, над водою поднялся туман,
Я горю от безплодных мученій;
Но вот щелкнул замок,—уж теперь не обман,—
Вот дрожа заскрипѣли ступени...
Это он, это он, мой избранник любви!
Еще миг,—он войдет, торжествуя...
О, как пламенны будут лобзанья мои!
О, ка́к жарко его обниму я!
6-го апрѣля 1858 г.

ПРОЩАНІЕ С ДЕРЕВНЕЙ.

———o———

Прощай, пріют родной, гдѣ я с мечтой лѣнивой
Без горя проводил задумчивые дни!!
Благодарю за мир, за твой покой счастливый,
За вдохновенія твои.
Увы! в послѣдній раз, в тоскливом упоеньѣ,
Гляжу на этот сад, на дальніе лѣса:
Меня отсюда мчит иное назначеніе,
И ждут иныя небеса.

А если, жизнью смят, обманутый мечтами,
К тебѣ, как блудный сын, я снова возвращусь,—
Кого еще найду меж старыми друзьями
И так ли с новыми сойдусь?
И ты?.. Что будешь ты, страна моя родная?
Поймет ли твой народ всю тяжесть прежних лѣт?
И буду ль видѣть я, хоть свой закат встрѣчая,
Твой полный счастія разсвѣт?

26-го іюля 1858 года.

ДВѢ ГРЕЗЫ.

———0———

Измученный тревогою дневною,
Я лег в постель без памяти и сил,
И голос твой, носяся надо мною,
Насмѣшливо и рѣзко говорил:

„Что ты глядишь так пасмурно, так мрачно?
Ты, говорят, влюблен в меня, поэт?
К моей душѣ, спокойной и прозрачной,
И доступа твоим мечтаньям нѣт.

Как чужды мнѣ твои пустыя бредни!
И что же в том, что любишь ты меня?
Не первый ты, не будешь и послѣдній
Горѣть и тлѣть от этого огня.

Ты говоришь, что в шумном вихрѣ свѣта
Меня ты ищешь, дышешь только мной...

И от других давно я слышу это,
Окружена влюбленною толпой.

Я поняла души твоей мученье,
Но от тебя, поэт, не утаю:
Не жалость, нѣт! а только изумленье,
Да тайный смѣх волнует грудь мою!"

Проснулся я... Враждебная, нѣмая
Вокруг меня царила тишина,
И фонари мнѣ слали, дорогая,
Свой тусклый свѣт из дальняго окна.

Безсильною поникнув головою,
Едва дыша, я снова засыпал,
И голос твой, носяся надо мною,
Привѣтливо и ласково звучал:

„Люби меня, люби! Какое дѣло,
Когда любовь в душѣ заговорит,
И до того, что в прошлом наболѣло,
И до того, что в будущем грозит?

Моя душа уж свыклася с твоею;
Я не люблю, но мысль отрада мнѣ,
Что сердце есть, которым я владѣю,
В котором я господствую вполнѣ.

Коснется ли меня тупая злоба,
Подкрадется-ль нежданная тоска,

Я буду знать, что, вѣрная до гроба,
Меня поддержит крѣпкая рука!
О, не ввѣряйся дѣтскому обману,
Себя надеждой жалкой не губи:
Любить тебя я не хочу, не стану,
Но ты, поэт, люби меня, люби!“

Проснулся я.. Уж день сырой и мглистый
Глядѣл в окно. Твой голос вдруг затих,
Но долго он без слов, протяжный, чистый,
Как арфы звук, звенѣл в ушах моих.

В началѣ 60-х годов.

МИНУТЫ СЧАСТЬЯ.

———o———

Не там отрадно счастье вѣет,
Гдѣ шум и царство суеты:
Там сердце скоро холодѣет,
И блекнут яркія мечты.

Но вечер тихій, образ нѣжный,
И рѣчи долгія в тиши
О всем, что будит ум мятежный
И струны спящія души,—

О, вот онѣ, минуты счастья,
Когда, как зорька в небесах,

Блеснет внезапно луч участья
В чужих внимательных очах;

Когда любви горячей слово
Растет на сердцѣ, как напѣв,
И с языка слетѣть готово—
И замирает, не слетѣв...

1865 г.

НИНѢ.
из А. Мюссэ.

Что, чернокудрая с лазурными глазами,
Что, если я скажу вам, как я вас люблю?
Любовь, вы знаете, есть кара над сердцами,—
Я знаю: любящих жалѣете вы сами...
Но, может быть, за то я гнѣв ваш потерплю?
Что, если я скажу, как много мук и боли
Таится у меня в душевной глубинѣ?
Вы, Нина, так умны, что часто против воли
Все видите насквозь: печаль и даже болѣ...
„Я знаю,"—может быть, отвѣтите вы мнѣ.
Что, если я скажу, что вѣчное стремленье
Меня за вами мчит, на зло расчетам всѣм?
Тѣнь недовѣрія и легкаго сомнѣнья
Вам придают еще ума и выраженья...
Вы не повѣрите мнѣ, может быть, совсѣм?
Что, если вспомню я всѣ ваши разговоры
Вдвоем пред камельком в вечерней тишинѣ?

Вы знаете, что гнѣв мѣняет очень скоро
В двѣ ярких молніи привѣтливые взоры...
Быть может, видѣть вас вы запретите мнѣ?
Что, если я скажу, что ночью, в час тяжелый,
Я плачу и молюсссь, забывши цѣлый свѣт?
Когда смѣетесь вы,— вы знаете, что пчелы
В ваш ротик, как в цвѣток, слетят гурьбой веселой...
Вы засмѣетеся мнѣ, может быть, в отвѣт?
Но, нѣт! я не скажу. Без мысли признаваться—
Я в вашу комнату иду, как вѣрный страж;
Могу там слушать вас, дыханьем упиваться,
И будете ли вы отгадывать смѣяться,—
Мнѣ меньше нравиться не может образ ваш.
Глубоко я в душѣ таю любовь и муки,
И вечером, когда к роялю вы в мечтах
Присядете,—ловлю я пламенные звуки,
А если в вальсѣ вас мои обхватывают руки,
Вы, как живой тростник, сгибаетесь в руках.
Когда ж наступит ночь, и дома, за замками,
Останусь я один, для міра глух и нѣм,—
О, все я вспоминаю, все ревнивыми мечтами,
И сердце гордое, наполненное вами,
Раскрою, как скупой, невидимый никѣм!
Люблю я, и храню холодное молчанье;
Люблю, и чувств своих не выдам напоказ,
И тайна мнѣ мила, и мило мнѣ страданье,
И мною дан обѣт любить без упованья,
Но не без счастія: я здѣсь,—я вижу вас.
Нѣт, мнѣ не суждено быть, умирая, с вами
И жить у ваших ног, сгорая как в огнѣ...

Но.. если бы любовь я высказал словами,
Что, чернокудрая с лазурными глазами,
О, что? о, что тогда отвѣтили б вы мнѣ?

———0———

1865 г.

ДОРОЖНАЯ ДУМА.

Позднею ночью равниною снѣжной
Ѣду я. Тихо. Все в полѣ молчит...
Глухо звучат по дорогѣ безбрежной
Скрип от полозьев и топот копыт,

Все, что, прощаясь, ты мнѣ говорила,
Снова твержу я в невольной тоскѣ.
Долог мой путь, и дорога уныла...
Что-то в уютном твоем уголкѣ?

Слышен ли смѣх? Догорают ли свѣчи?
Так же ль блистает твой взор, как вчера?
Тѣ же ли смѣлыя, юныя рѣчи
Будут немолчно звучать до утра?

Кто там с тобой? Ты глядишь ли безстрастно,
Или трепещешь, волнуясь, любя?
Только б тебѣ полюбить не напрасно,
Только б другіе любили тебя!

Только бы кончился день без печали,
Только бы вечер прошел веселѣй,
Только бы сны золотые летали
Над головою усталой твоей!

Только бы счастье со свѣтлыми днями
Так же гналась по пятам за тобой,
Как наши тѣни бѣгут за санями
Снѣжной равниной порою ночной!

———o———

К МОРЮ.

Увы! не в первый раз, с подавленным рыданьем,
Я подхожу к твоим волнам
И, утомясь безплодным ожиданьем.
Всю ночь просиживаю там...

Тому уж много лѣт: невѣдомая сила
Явилася ко мнѣ и в мнимо свѣтлый рай
Меня, как глупаго ребенка, заманила,
Шепнула мнѣ—люби, сказала мнѣ—страдай!

И с той поры, ея велѣнію послушный,
Я с каждым днем любил сильнѣе и больнѣй...
О, как я гнал любовь, как я боролся с ней,
Как покорялся малодушно!

Но наконец, устав страдать,
Я думал: пронеслась невзгода...

Я думал: вот моя свобода
Ко мнѣ вернулася опять...

И что ж? Томим тоскою, снова
Сижу на этом берегу,
Как жалкій раб, кляну свои оковы,
Но сбросить цѣпи не могу.

О, если слышишь ты глагол, тебѣ понятный,
О, море темное, пріют сердец больных,—
Пусть исцѣлят меня простор твой необ'ятный
И вѣчный ропот волн твоих!

Пускай твердят онѣ мнѣ ежечасно
Об оскорбленіях, измѣнах, обо всем,
Что вынес я в терпѣніи тупом...
. . . .

Теперь довольно. Уж мнѣ прежних дней не видѣть,
Но если суждено мнѣ дальше жизнь влачить,
Дай силы мнѣ, чтоб мог я ненавидѣть!
Дай ты безумье мнѣ, чтоб мог я позабыть!

1867 г.

НІОБЕЯ.

Заимствованно из „метаформоз“ овидія.

Над трупами милых своих сыновей
Стояла в слезах Ніобея.
Лицо у ней мрамора было бѣлѣй,

И губы шептали, блѣднѣя:

,,Насыться, Латона, печалью моей,
Умѣешь ты мстить за обиду!
Не ты ли прислала мнѣ гнѣвных дѣтей:
И Феба и дочь Артемиду?

Их семеро было вчера у меня,
Могучих сынов Амфіона.
Сегодня... О, лучше б не видѣть мнѣ дня!..
Насыться, насыться Латона!

Мой первенец милый, Исмен молодой,
На бурном конѣ проносился
И вдруг, пораженный незримой стрѣлой,
С коня бездыханным свалился.

То видя, исполнился страхом Сипил
И бѣгствѣ искал он спасенья,
Но бог безпощадный его поразил,
Бѣгущаго с поля мученья.

И третій мой сын, незабвенный Тантал,
Могучему дѣду подобный
Не именем только, но силой,—он пал,
Стрѣлою настигнутый злобной.

С ним вмѣстѣ погиб дорогой мой Файдим,
Напрасно ища меня взором.
Как дубы высокіе, пали за ним
И Дамасихтон с Алфенором.

Один оставался лишь Илıоней,
Прекрасный, любимый, счастливый,
Как бог, красотою волшебной своей
Плѣнявшій родимыя Ѳивы.

Как сильно хотѣлося отроку жить,
Как полон невѣдомой муки,
Он начал богов о пощадѣ молить!
Он поднял безсильныя руки...

Мольба его так непритворна была,
Что сжалился бог лучезарный...
Но поздно! Летит роковая стрѣла,—
Стрѣлы не воротишь коварной,—

И тихая смерть, словно сон среди дня,
Закрыла прелестныя очи...
Их семеро было вчера у меня...
О, длиться б всегда этой ночи!

Как жадно, Латона, ждала ты зари,
Чтоб тяжкія видѣть утраты...
А все же и нынѣ, богиня, смотри:
Меня побѣдить не могла ты!

А все же к презрѣнным твоим алтарям
Не придут вѣнчанныя жены,
Не будет куриться на них ѳиміам
Во славу богини Латоны!

Вы, боги, всесильны над нашей судьбой,

Бороться не можем мы с вами:
Вы нас побиваете камнем, стрѣлой,
Болѣзнями или громами...

Но если в бѣдѣ, в униженьи тупом,
Мы силу души сохранили,
Но если мы, павши, проклятья вам шлем,—
Ужель вы тогда побѣдили?

Гордись же, Латона, побѣдою дня,
Пируй в ликованьях напрасных!
Но семь дочерей еще есть у меня,
Семь дѣв молодых и прекрасных...

Для них буду жить я! Их нѣжно любя,
Любуясь их лаской привѣтной,
Я смертная, все же счастливѣй тебя,
Богини едва не бездѣтной!“

Еще отзвучать не успѣли слова,
Как слышит, дрожа, Ніобея,
Что в воздухѣ знойном звенит тетива,
Все ближе звенит и сильнѣе...

И падают вдруг ея шесть дочерей
Без жизни одна за другою...
Так падают лѣтом колосья полей,
Сраженные жадной косою.

Седьмая еще осталась одна
И с криком: „О, боги, спасите!!“—

На грудь Ніобеи припала она,
Моля свою мать о защитѣ.

Смутилась царица. Страданье, испуг
Душой овладѣли сильнѣе,
И гордое сердце растаяло вдруг
В стѣсненнной груди Ніобеи.

„Латона, богиня, прости мнѣ вину,—
Лепечет жена Амфіона,—
Одну хоть оставь мнѣ, одну лишь, одну...
О, сжалься! о, сжалься, Латона!“

И крѣпко прижала к груди она дочь,
Полна безотчетной надежды,
Но нѣт ей пощады,—и вѣчная ночь
Сомкнула уж юныя вѣжды.

Стоит Ніобея безмолвна, блѣдна,
Текут ея слезы ручьями...
И чудо! Глядят: каменѣет она
С поднятыми к небу руками.

Тяжелая глыба влилась в ея грудь,
Не видит она и не слышит,
И воздух не смѣет в лицо ей дохнуть,
И вѣтер волос не колышет.

Затихли отчаянье, гордость и стыд,
Безсильно замолкли угрозы...
В красѣ упоительной мрамор стоит
И точит обильныя слезы.

Тверь, 1867 г.

ВСТРѢЧА.

Тропинкой узкою я шел в ночи нѣмой,
И в черном женщина явилась предо мной.
Остановился я, дрожа как в лихорадкѣ...
Одежды траурной разсыпанныя складки,
Сѣдые волосы на сгорбленных плечах,—
Все в душу скорбную вливало тайный страх.
Хотѣл я своротить, но мѣста было мало...
Хотѣл бѣжать назад, но силы не хватало,

———o———

Горѣла голова, дышала тяжко грудь...
И вздумал я в лицо старухи заглянуть;
Но то, что я прочел в ея недвижном взорѣ,
Таило новое, невѣдомое горе.
Сомнѣнья, жалости в нем не было слѣда,
Не злоба то была, не месть и не вражда,
Но что-то темное, как ночи дуновенье,
Неумолимое, как времени теченье.

———o———

Она сказала мнѣ: „Я—смерть, иди со мной!"
Уж чуял я ея дыханье над собой;
Вдруг сильная рука, невѣдомо откуда,
Схватила—и меня, какой-то силой чуда,
Перенесла в мой дом...
Живу я, но с тѣх пор
Ничей не радует меня волшебный взор,
Не могут уж ничьи привѣтливыя рѣчи
Заставить позабыть слова той страшной встрѣчи.

В концѣ 60-х годов.

АКТЕРЫ.

———o———

Минувшей юности своей
Забыты волненья и измѣны,
Отцы уж с отроческих дней
Подготовляют нас для сцены.

———o———

Нам говорят: „Ничтожен свѣт,
В нем все злодѣи или дѣти,
В нем сердца нѣт, в нем правды нѣт
Но будь и ты, как всѣ на свѣтѣ!"

———o———

И вот, чтоб выйти на показ,
Мы наряжаемся в уборной.
Пока никто не видит нас,
Мы смотрим гордо и задорно.

———o———

Вот вышли молча и дрожим,
Но оправляемся мы скоро,
И с чувством роли говорим,
Украдкой глядя на суфлера.

———o———

И говорим мы о добрѣ,
О жизни честной и свободной,
Что в первой юности порѣ
Звучит тепло и благородно:

———o———

О том, что жертва—наш девиз,
О том, что всѣ люди—братья,
И публикѣ из-за кулис

Мы шлем горячія об'ятья.

———o———

И говорим мы о любви,
К невѣрной простирая руки,
О том, какой огонь в крови,
О том, какія в сердцѣ муки...

———o———

И сами видим без труда,
Как Дездемона наша мило,
Лицо закрывши от стыда,
Чтоб поблѣднѣть, кладет бѣлила.

———o———

Потом, не зная, хороши ль
Иль дурны были монологи,
За безтолковый водеви́ль
Уж мы беремся без тревоги.

———o———

И мы смѣемся надо всѣм,
Тряся горбом и головою,
Не замѣчая, между тѣм,
Что мы смѣялись над собою!

———o———

Но холод в нашу грудь проник,
Устали мы—пора с дороги:
На лбу чуть держится парик,
Слѣзает горб, слабѣют ноги...

———o———

Конец. Теперь что ж дѣлать нам?
Большая зала опустѣла...
Далеко автор гдѣ-то там...
Ему до нас какое дѣло?

И, сняв парик, умыв лицо,
Одежды сбросив шутовскія,
Мы всѣ, усталые, больные,
Лѣниво сходим на крыльцо.

———o———

Нам тяжело, нам больно, стыдно,
Пустыя улицы темны,
На черном небебѣ звѣзд не видно—
Огни давно погашены...

———o———

Мы зябнем, стынем, изнывая,
А зимній воздух недвижим,
И обнимает ночь глухая
Нас мертвым холодом своим.

В концѣ 60-х годов.

A LA POINTE.

———o———

Неподвижно безмолвное море.
По берегу чинно идут
Знакомыя лица, и в сборѣ
Весь праздничный, гуляющій люд.

Проходит банкир бородатый,
Гремит офицер палашом,
Попарно снуют дипломаты
С серьезным и кислым лицом.

Как муміи, важны и прямы,
В колясках своих дорогих
Болтают нарядныя дамы,
Но рѣчи не клеятся их.

—Вы будете завтра у Зины?
—„Княгинѣ мой низкій поклон.
—Из Бадена пишут кузины,
Что Бисмарк испортил сезон.

Блондинка с улыбкой небесной
Лепечет, поднявши лорнет:
„Как солнце заходит чудесно!"—
А солнца давно уже нѣт.

Гуманное общество тѣша,
Несется пріятная вѣсть,—
Пришла из Берлина депеша:
Убитых не могут и счесть!

Графиня супруга толкает:
„Однако, мой друг, посмотри,
Как весело Рейс выступает.
Как грустный несчастный Флери."

Не слышно весселаго звука,
И гордо на всем берегу
Царит величавая скука,
Столь чтимая в свѣтском кругу.

Темнѣет. Роса набѣжала.

Туманом одѣлся залив.
Разъѣхались дамы сначала,
Запас новостей истощив.

Наружно смиренны и кротки,
На промысел выгодный свой
Отправились в город кокотки
Безпечной и хищной гурьбой.

И слѣдом за ними, зѣвая,
Дивя их своей пустотой,
Ушла молодежь золотая
Оканчивать день трудовой.

Разсѣялись всадников кучи,
Коляски изчезли в пыли,
На западѣ хмурыя тучи,
Как полог свинцовый, легли.

Один я... Опять надо мною
Вездѣ тишина и простор;
В лѣсу далеко за водою
Как молнія, вспухнул костер.

Как рвется душа, изнывая,
На яркое пламя костра!
Кипит здѣсь бесѣда живая
И будет кипѣть до утра.

От холода, скуки, ненастья
Здѣсь, вѣрно, надежный пріют;

Быть может, нежданое счастье
Свило себѣ гнѣздышко тут?

И сердце трепещет невольно...
И знаю я: ѣхать пора,
Но как-то разстаться мнѣ больно
С далеким мерцаньем костра.

1870 г.

———0———

ТВОЯ СЛЕЗА.

Твоя слеза катилась за слезой,
Твоя слеза сжималась молодая,
Внимая рѣчи лживой и чужой...
И я в тот миг не мог упасть, рыдая,
Перед тобой!
Твоя слеза проникла в сердце мнѣ,
И все, что было горькаго, больного
Запрятано в сердечной глубинѣ,—
Под этою слезою всплыло снова,
Как в страшном снѣ!
Не в первый раз сбирается гроза,
И страха перед ней душа не знала!!
Теперь дрожу я... Робкіе глаза
Глядят куда-то вдаль... куда упала
Твоя слеза!

1872 г.

НАКАНУНѢ.

———о———

Она задумчиво сидѣла меж гостей,
И в близком будущем мечта ея витала...
Надолго ѣдет муж... О, только б поскорѣй!!
„Я ваша навсегда!"—она наднях писала.
Вот он стоит пред ней,—не муж, а тот, другой,—
И смотрит на нее таким побѣдным взглядом...
„Нѣт!—думает она,—не сладишь ты со мной:
Тебѣ ль, мечтателю, идти со мною рядом?
Ползти у ног моих судьбой ты обречен,—
Я этот гордый ум согну рукою властной;
Как обезсиленный, раздавленный Сампсон,
Призваніе свое забудешь в нѣгѣ страстной!"
Прочел ли юноша ту мысль в ея глазах,
Но взор попрежнему сіял побѣдной силой...
„Посмотрим, кто скорѣй измучится в цѣпях,"
Довольное лицо, казалось, говорило.
Кто побѣдит из них? Пускай рѣшит судьба...
Но любят ли они? Что это: страсть слѣпая,
Иль самолюбіе безцѣльная борьба?
Бог знает.
Их рѣчам разсѣянно внимая,
Сидит поодаль муж с нахмуренным лицом;
Он знает, что его изгнаніе погубит...
Но что до этого? Кто думает о нем?
Он жертвой должен быть! Его вина: он любит.

1876 г:

———о———

УМИРАЮЩАЯ МАТЬ.

————о————

„Что? умерла, жива? Потише говорите
Быть может, удалось на время ей заснуть“..
И кто-то предложил: „Ребенка принесите
И положите ей на грудь!“

И вот на мѣстѣ том, гдѣ прежде сердце билось,
Ребенок с плачем, скрыл лицо свое...
О, если и теперь она не пробудилась,—
Все кончено: молитесь за нее!

1871 г.

КОРОЛЕВА.

————о————

Пир шумит. Король Филипп ликует,
И, его веселіе дѣля,
Вмѣстѣ с ним побѣду торжествует
Пышный двор Филиппа короля.

Очего ж огнями блещет зала?
Чѣм король обрадовал страну?
У сосѣда, вѣрнаго вассала,
Он увез красавицу жену.

И среди рабов своих покорных
Молодецки, весело глядит:

„Муж потерпит, папа разрѣшит“.
Что ему до толков не придворных?—

Шумен пир. Прелестная Бертрада
Оживляет веселит гостей,
А внизу, в дверях, в аллеях сада
Принцы, графы шепчутся о ней.

Что же там мелькнуло бѣлой тѣнью,
Исчезло в зелени кустов
И опять, подобно привидѣнію,
Движется без шума и без слов?

„Это Берта, Берта королева!“—
Пронеслось мгновенно здѣсь и там,
И, как стая гончих, справа, слѣва,
Принцы, графы кинулись к дверям.

И была ужасная минута:
К ним, шатаясь, подошла она,
Горем—будто бременем согнута,
Страстью—будто зноем спалена.

„О, зачѣм, зачѣм,—она шептала,—
Вы стоите грозною толпой?
Десять лѣт я вам повелѣвала:
Был ли кто из вас обижен мной?

„О Филипп! Пускай падут проклятья
На жестокій день, в который ты
В первый раз отверг мои об‘ятья,

Вняв словам безстыдной клеветы!

„Если б ты изгнанник был бездомный,
Я бы шла без устали с тобой—
По лѣсам осенней ночью темной,
По полям в палящій лѣтній зной.

„Гнет болѣзни, голода страданья
И твои упреки без числа —
Я бы все сносила без роптанья,
Я бы снова счастлива была!

„Если б в битвѣ, обагренный кровью,—
Ты лежал в предсмертном забытьи,—
К твоему склонившись изголовью,
Омывала б раны я твои.

„Я бы знала всѣ твои желанья,
Поняла бы гаснущую рѣчь,
Я б сумѣла каждое дыханье,
Каждый трепет сердца педстеречь.

„Если б смерти одолѣла сила,—
В жгучую печаль погружена,
Я б сама глаза твои закрыла,
Я б с тобой осталася одна...

„Старцы, жены, юноши и дѣвы,
Всѣ б пришли в печаль, печаль мою дѣля,
Но никто бы ближе королевы
Не стоял ко гробу короля!

„Что со мною? страсть меня туманит,
Жжет огонь обманутой любви...
Пусть конец твой долго не настанет,
О король мой, царствуй и живи!

„За одно привѣтливое слово,
За один волшебный прежній взор
Я сносить безропотно готова
Годы ссылки, муку и позор.

„Я смущать не стану ликованья:
Я спокойна ровно дышит грудь...
О, пустите! дайте на прощанье
На него хоть раз еще взглянуть!“

Но напрасно робкою мольбою
Засвѣтился королевы взгляд:
Неприступной, каменной стѣною
Перед ней придворные стоят...

Пир шумит. Прелестная Бертрада
Всѣ сердца плѣняет и живит,
А в глуши темнѣющаго сада
Чей-то смѣх, безумный смѣх звучит.

И, тот смѣх узнав, смѣется тоже
Принцы, графы, баловни судьбы,—
Пред несчастьем—гордые вельможи,
Пред успѣхом—подлые рабы.

В концѣ 60-х годов.

———0———

ШВЕЙЦАРКѢ.

———o———

Цѣлую ночь я в постели метался.
Вѣтер осенній, сердитый,
Выл надо мной;
Словно при мнѣ чей-то сон продолжался,
Нѣкогда здѣсь позабытый,
Сон мнѣ чужой.

Снились мнѣ дальней Швейцаріи горы...
Скованы вѣчными льдами
Выси тѣх гор,
И отдыхают смущенные взоры
В свѣтлых долинах с садами,
В глади озер.

Славно жилось бы. Семья-то большая...
Часто под старую крышу
Входит нужда.
Надо разстаться... „Прощай, дорогая!
Голос твой милый услышу
Вряд ли когда!“

Свѣт нелюбимаго, блѣднаго неба...
Звуки нарѣчья чужого
Дразнят как шум;
Горькая жизнь для насущнаго хлѣба,
Жизнь воздержанья тупого,
Сдавленных дум.

Если же сердце зашепчет о страсти,
Если с невѣдомой силой
Вспыхнут мечты,—
Прочь их гони, не ввѣряйся их власти,
Образ забудь этот милый,
Эти черты!

Жизнь пронесется безцвѣтно-пустая...
В бездну забвенья угрюмо
Канет она...
Так, у подножья скалы отдыхая,
Смоет песчинку без шума
Моря волна.

Вдруг пробудился я. День начинался,
Билося сердце об'ято
Странной тоской;
Снова заснул я, и вновь продолжался
Видѣнный кѣм-то, когда-то
Сон мнѣ чужой.

Чья-то улыбка и яркія очи,
Звука альпійской свирѣли,
Ропот судьбѣ,—
Все, что в безмолвныя, долгія ночи
В этой забытой постели
Снилось тебѣ!

1873 г.

———o———

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Братьям.

Свѣтает.. Не в силах тоски превозмочь,
Заснуть я не мог в эту бурную ночь.
Чрез рѣки и горы и степи простор
Вас, братья далекіе, ищет мой взор.
Что с вами? Дрожите ли вы под дождем
В убогой палаткѣ, прикрывшись плащем?
Вы стонете ль в ранах, томитесь в плѣну,
Иль пали в бою за родную страну,

———о———

И жизнь отлетѣла от лиц дорогих,
И голос ваш милый навѣки затих?..
О, Господи! Лютой пылая враждой,
Два стана давно уж стоят пред Тобой;
О помощи молят Тебя их уста:
Один—за Аллаха, другой—за Христа...
Без устали, дружно, во имя Твое,
Работают пушка и штык и ружье...

———о———

Но, Боже! один Ты, и вѣра одна,
Кровавая жертва Тебѣ не нужна,—
Яви же борцам негодующій лик,
Скажи им, что мір Твой хорош и велик,
И слово забытое братской любви
В сердцах, омраченных враждой, оживи!

1877 г.

———о———

ЧЕРНАЯ ТУЧА.

Черная туча висит над полями,
Шепчутся клены, березы качаются,
Дубы столѣтніе машут вѣтвями,
Точно со мной говорить собираются.

,,Что тебѣ нужно, пришлец безпріютный?"—
Голос их важный с вершины мнѣ чудится,—
,,Думаешь, отдых вкушая минутный,
Так вот и прошлое все позабудится?

,,Нѣт, ты словами себя не обманешь:
Спѣта она, твоя пѣсенька скудная!
Новую пѣсню уж ты не затянешь,
Хоть и звучит она, близкая, чудная!

,,Сердце усталое, сердце больное
Звуков волшебных напрасно искало бы;
Здѣсь, между нами, ищи ты покоя,
С жизнью простится без стонов и жалобы.

,,Смерти боишься ты? Страх малодушный!
Все, что томило игрой безполезною:
Мысли и чувства и стих им послушный,—
Смерть остановит рукою желѣзною.

,,Все клеветавшее тайно, незримо,
Все угнетавшее с дикою силою
В миг разлетится, как облако дыма,
Над неповинною свѣжей могилою!

„Если же кто-нибудь тишь гробовую
Вздохом нарушит, слезою участья,
О, за слезу бы ты отдал такую
Всѣ свои призраки прошлаго счастія!

„Тихо, прохладно лежат между нами,
Тѣнь наша шире и шорох привѣтнѣе...“
В вечер ненастный, качая вѣтвями,
Так говорили мнѣ дубы столѣтніе.

..В 70-х годах.

ПУБЛИКА.

Во время представленій Россіи.

Артист окончил акт. Недружно и несмѣло
Рукоплесканія раздалися в рядах.
Однако вышел он... Вдруг что-то заблестѣло
У капельмейстера в руках.
Что это?—Смотрят всѣ в тревогѣ жадной...
Подарок цѣнный, вот другой,
А вслѣд за ними и вѣнок громадный...
Преобразилось все. Отовсюду крики, вой...
Нѣт вызовам конца! Платками машут дамы,
И был бы даже вызван автор драмы,
Когда б был жив.. Куда ни глянь,
Успѣх вѣнчается всеобщим приговором.
Кого же чествуют? Кому восторгов дань?
Артисту? Нѣт?--Вѣнку с серебрянным прибором!

18-го марта 1877 г.

НАД СВЯЗКОЙ ПИСЕМ.

Не я один тебя любил
И, жизнь отдав тебѣ охотно,
В очах задумчивых ловил
Хоть призрак ласки мимолетной;
Не я один в тиши ночей
Припоминал с тревогой тайной
И каждый звук твоих рѣчей,
И взор, мнѣ брошенный случайно.
И не во мнѣ одном душа,
Смущаясь встрѣчею холодной,
Безумной ревностью дыша,
Томилась горько и безплодно.
Как побѣжденный властелин,
Забыв всю тяжесть униженья,
Не я один, не я один
Молил простить мои мученья!
О, кто же он, соперник мой?
Его не видѣл я, не знаю,
Но с непонятною тоской
Я эти жалобы читаю.
Его любовь во мнѣ жива,
И, весь в ея волшебной власти,
Твержу горячія слова
Хотя чужой, но близкой страсти.

1877 г.

РАЗБИТАЯ ВАЗА.
Подраженіе Сюлли Прюдому.

Ту вазу, гдѣ цвѣток ты сберегала нѣжный,
Ударом вѣера толкнула ты небрежно,
И трещина едва замѣтная на ней
Осталась... Но с тѣх пор прошло немного дней,
Небрежность дѣтская твоя давно забыта,
А вазѣ уж грозит нежданая бѣда!
　　Не тронь ея: она разбита.
Так сердца моего коснулась ты рукой,—
　　Рукою нѣжной и любимой,
И с той поры на нем, как от обиды злой,
　　Остался слѣд неизгладимый.
Оно, как прежде, бьется и живет,
　　От всѣх его страданье скрыто,
Но рана глубока и каждый день растет...
　　Не тронь его: оно разбито.

В 70-х годах.

ПАРА ГНѢДЫХ.
Перевод из Донаурова.

Пара гнѣдых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вѣчно бредете вы мелкой рысцою,
Вѣчно куда-то ваш кучер спѣшит.

Были когда-то и вы рысаками,
И кучеров вы имѣли лихих,
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнѣдых.

Ваша хозяйка в старинные годы
Много имѣла хозяев сама,
Опытных в дом привлекала из моды,
Болѣе нѣжных сводила с ума;

Таял в об‘ятьях любовник счастливый,
Таял порой капитал у иных:
Часто стоять на конюшнѣ могли вы,
Пара гнѣдых.

Грек из Одесы и жид из Варшавы,
Юный корнет и сѣдой генерал,
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у нея засыпал.

Гдѣ же они, в какой новой богинѣ
Ищут теперь идеалов своих?
Вы, только вы и вѣрны ей донынѣ,
Пара гнѣдых.

Вот отчего, запрягаясь с зарею
И голодая по нѣскольку дней,
Вы подвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смѣх у людей.

Старость, как ночь, вам и ей угрожает,

Говор толпы невозвратно затих,
И только кнут вас порою ласкает,
Пара гнѣдых.

В 70-х годах.

———0———

ГОЛОС ВЕСНЫ.

———0———

Не плачь, мой пѣвец одинокій,
Покуда кипит в тебѣ кровь.
Я знаю: коварно, жестоко
Тебя обманула любовь.

Я знаю: любовь незабвенна...
Но слушай: тебѣ я вѣрна,
Моя красота неизмѣнна,
Мнѣ вѣчная юность дана.

Покроют ли небо туманы,
Приблизится ль осени час,
В далекія теплыя страны
Надолго я скроюсь от вас,

Как часто в томленьях недуга
Ты будешь меня призывать,
Ты ждать будешь, как друга,
Как нѣжно любимую мать.

Приду я, на душу больную
Навѣю чудесные сны

И язвы легко уврачую
Твоей безразсудной весны.

Когда же по мелочи, скупо,
Растроишь ты жизнь и, старик,
Начнешь равнодушно и тупо
Мой ласковый слушать язык,—

Тихонько родными руками
Я вѣжды твои опущу,
Твой гроб увѣнчаю цвѣтами,
Твой темный пріют посѣщу.

А там, под покровом могилы,
Умолкнут и стоны любви,
И смѣх, и кипѣвшія силы,
И скучныя пѣсни твои.

В 70-х годах.

———o———

ЦЫГАНСКАЯ ПѢСНЬ.

„Я вновь пред тобою стою очарован.“

———

О, пой, моя милая! пой не смолкая
Любимую пѣсню мою
О том, как, тревожно той пѣснѣ внимая,
Я вновь пред тобою стою!

Та пѣсня напомнит мнѣ время былое,
Которым душа так полна,

И страх, что щемит мое сердце больное,
Быть может, разсѣет она.

Боюсь я, что голос мой, скорбный и нѣжный
Тебя своей страстью смутит;
Боюсь, что от жизни моей безнадежной
Улыбка твоя отлетит.

Мнѣ жизнь без тебя—словно полночь глухая
В чужом и безвѣстном краю...
О, пой, моя милая! пой, не смолкая,
Любимую пѣсню мою!

В 70-х годах.

————0————

ОТРАВЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ.

————0————

Зачѣм загадывать, мечтать о днѣ грядущем
Когда день нынѣшній так свѣтел и хорош?
Зачѣм твердит всегда в уныніи гнетущем,
Что счастье вѣтрено, что счастья не вернешь?

Пускай мнѣ суждены мученія разлуки
И одиночества томительные дни,—
Сегодня я с тобой, твои цѣлую руки,
И ночь тиха, и мы одни.

О, если бы я мог хоть в эту ночь нѣмую
Забыться в грезах золотых

И все прошедшее, как ношу роковую,
Сложить у милых ног твоих!

Но сердце робкое, привыкшее бояться,
Не оживет в роскошном снѣ,
Не вѣрит счастію, не смѣет забываться
И рѣчи скорбныя нашептывает мнѣ.

Когда я удалюсь, исполненный смущенья,
И отзвучат шаги мои едва,—
Ты вспомнишь, может быть, с улыбкою сомнѣнья
Мои торжественныя моленья,

Мои горячія и нѣжныя слова.
Когда враги мои довольною толпою
Начнут меня язвить, и их услышишь ты,—
Ты равнодушно поникнешь головою

И замолчит пред наглою враждою,
Пред голосом нелѣпой клеветы.
Когда в сырой землѣ я буду спать глубоко,
Безсилен, неподвижен и всѣми позабыт,—

Моей могилы одинокой
Твоя слеза не оросит.

И, может быть, в минуту злую,
Когда мечты твои в прошедшее уйдут,
Мою любовь, всю жизнь мою былую
Ты призовешь на строгій суд.

О, в этот страшный час тревоги, заблужденья,
Томившія когда-то эту грудь,
Мои невольныя, безсильныя паденья
Ты мнѣ прости и позабудь!

Пойми тогда, хоть с поздним сожалѣньем,
Что в мірѣ том, гдѣ друг твой жил,
Никото тебя с таким самозабвеньем,
С таким страданьем не любил!
1881 г:

———o———

Г. КАРЦОВУ.

Настойчиво, прилежно, терпѣливо,
Порой таинственно, как тать,
Плоды моей фантазіи лѣнивой
Ты в эту вписывал тетрадь.
Укрой ее от любопытных взоров,
Не отдавай на суд людей,
На смѣх на гул пристрастных приговоров
Завѣтный мір души моей!
Когда ж улягусь на днѣ могилы
И, покорясь своей судьбѣ,
Одну лишь память празднаго кутилы
Оставлю в мірѣ по себѣ,—
Пускай тебѣ тетрадь напомнит эта
Сердечной дружбы нашей дни,
И ты тогда забытаго поэта
Хоть добрым словом помяни!
6-го октября 1882 г.

МУЗѢ.

———o———

Умолкни навсегда! Тоску и сердца жар
Не выставляй врагам для утѣшенья...
Проклятье вам, минуты вдохновенья,
Проклятіе тебѣ, ненужный пѣсен дар!

———o———

Мой голос прозвучит в пустынѣ одиноко,
Участья не найдет души изнывшей крик...
О смерть иди теперь! без жалоб, без упрека
Я встрѣчу твой суровый лик.

———o———

Ты все-таки теплѣй, чѣм эти люди-братья:
Не жжешь измѣной ты, не дышишь клеветой...
Раскрой же мнѣ свои желѣзныя об'ятья,
Пошли наконец забвенье и покой!

Февраля 1883 г.

———o———

ССОРА.

———o———

Ночь давно уж царила над міром,
А они, чтоб оканчивать споры,
Всѣ сидѣли за дружеским пиром,
Но не дружные шли разговоры.

Понемногу словами пустыми
Раздражались они до мученья,
Словно кто-то сидѣл между ними
И нашептывал им оскорбленья.

И сверкали тревожные взгляды,
Искаженныя лица горѣли,
Обвиненья росли без пощады
И упреки без смысла и цѣли.

Все, что прежде в душѣ накипѣло,
Все, чѣм жизнь их язвила пустая,
Они вспомнили, злобно и смѣло
Друг на другѣ то зло вымещая...

Наступила минута молчанья:
Она вѣчностью им показалась,
И, при видѣ чужого страданья,
К ним невольная жалость подкралась.

Им хотѣлось чудесною силой
Воротить все, что сказано было,—
И слетѣть уже было готово
Задушевное теплое слово,

И, быть может, сквозь мрак раздраженья,
Им, измученным гнѣвом и горем,
Уже видѣлся миг примиренья,
Как маяк лучезарный над морем.

Проходили часы за часами,

А друзья все смотрѣли врагами,
Голоса возвышалися снова...
Задушевное теплое слово,

Что за миг так легко им казалось,
Не припомнилось им, не сказалось,
А слова набѣгали другія,
Безотрадныя, жесткія, злыя.

И сверкали тревожныя взгляды,
Искаженныя лица горѣли,
Обвиненья росли без пощады,
И упреки без смысла и цѣли...

И уж ночь не царила над міром,
А они неразлучной четою
Все сидѣли за дружеским пиром,
Словно тѣшась безумной враждою!

Вот и утра лучи заблестѣли...
Новый день не принес примиренья...
Потухавшія свѣчи тускнѣли,
Как сердца без любви и прощенья.

Апрѣля 1883 г.

———o———

ВО ВРЕМЯ БОЛѢЗНИ.

Мнѣ все равно, что я лежу больной,
Что чай мой горек, как микстура,
Что голова в огнѣ, что пульс неровен мой,
Что сорок градусов моя температура.

Болѣзни не страшат меня...
Но, признаюсь, меня жестоко
Пугают два несносных дня,
Что проведу от вас далеко.

Я так безумно рад, что я теперь люблю,
Что я дышать могу лишь вами!
Как часто я впиваюсь в вас глазами,
И взор ваш каждый раз с волненіем ловлю.

Воспоминаньями я полон дорогими,
И хочет отгадать послушная мечта,
Гдѣ вы теперь, и с кѣм, и мыслями какими
Головка ваша занята...

Нѣмая ночь мнѣ не дает отвѣта,
И только чудится мнѣ в пламенном бреду,
Что с вами об руку иду
Я посреди завистливаго свѣта.

Когда ж очнулся я средь мертвой тишины,—
Как голова горит, как грудь полна страданья!
И хуже всѣх болѣзней мнѣ сознанье,
Что тѣ мечты мечтами быть должны.

9-го января 1884 г.

ПѢВИЦА.

С хозяйкой под руку, спокойно, величаво
Она идет к роялю. Все молчит,

И смотрит на нее с улыбкою лукавой
Дѣвиц и дам завистливый синклит.

———o———

Она—красавица: по приговору свѣта
Давно ей этот титул дан;
Глубокіе глаза ея полны привѣта,
И строен и высок ея цвѣтущій стан.

———o———

Она запѣла... как-то тихо, вяло,
И к музыканту обращенный взор
Изобразил нѣмой укор:
Она не в голосѣ, всѣм это ясно стало...

———o———

Но, вот, минута робости прошла,
Вот голос дрогнул от волненья,
И словно буря вдохновенья,
Ея на крыльях унесла.

———o———

И пѣсня полилась, широкая, как море:
То страсть нам слышалась, кипящая в крови,
То робкія мольбы, разбитой жизни горе,
То жгучая тоска отринутой любви...

———o———

О, как могла понять так вѣрно сердца муки
Она, красавица, безпечная на взгляд?
Ѿкуда эти тающіе звуки,
Что за душу хватают и щемят?..

———o———

И вспоминалася мнѣ другая зала,
Большая, темная... Дрожащим огоньком
В углу горѣл камин, одна свѣча мерцала,

И у рояля были мы вдвоем.

———o———

Она сидѣла, блѣдная, больная,
Разсѣянно вперя куда-то взор,
По клавишам рукой перебирая...
Не весел был наш разговор:

———o———

„Меня не удивят ни злоба, ни измѣна,“—
Она сказала голосом глухим:—
„Увы! я так привыкла к ним!“
И, словно вырвавшись из плѣна,

———o———

Двѣ крупныя слезы скатились по щекам,
А мнѣ хотѣлось упасть к ея ногам...
И думал я в тоскѣ глубокой:
Зачѣм так создан свѣт, что зло царит одно?

———o———

Зачѣм, зачѣм страдать осуждено
Все то, что так прекрасно и высоко?
Мечты мои прервал рукоплесканій гром.
Вскочило все, заволновалось,

———o———

И впечатлѣніе глубоким мнѣ казалось!
Мгновеніе прошло,—и вновь звучит кругом,
С обычной пустотой и пошлостью своею,
Рѣчей салонных гул. Спокойна и свѣтла,
Она сидит у чайнаго стола;
Банальный ѳиміан мужчины жгут пред нею,
И сладкія ей рѣчи говорит
Дѣвиц и дам сіяющій синклит.

———o———

ПОЗДНЕЕ МЩЕНІЕ.

Она не может спать... Назойливая, злая
Тоска ее грызет. Пылает голова,
И душит мрак ее, и давит тишь ночная...
Знакомый голос, ей по сердцу ударяя,
Лепечет страшныя, безумныя слова:

„Когда, потупив взор, походкою усталой
Сегодня тихо шла ты за гробом моим,
Ты думала, что все меж нами миновало...
Но в комнату твою вошел я, как бывало,
И снова мы с тобой о прошлом говорим.

„Ты помнишь, сколько раз ты вѣрность мнѣ сулила,
А я тебя молил о правдѣ лишь одной.
Но ложью ты жизнь, как ядом, отравила,
Всѣ тайны прошлаго сказала мнѣ могила,—
И вся душа твоя открыта предо мной.

„Я все тебѣ прощал: обманы, оскорбленья,
Я только для тебя хотѣл дышать и жить...
Ты предала меня врагам без сожалѣнья...
И вот теперь она пришла, минута мщенья,
Теперь я силен тѣм, что не могу простить.

„Я силен потому, что труп не шевельнется,
Не запылает взор от блеска красоты,
Что сердце, полное тобою, уж не бьется,
Что в мой свинцовый гроб твой голос не ворвется,
Что нѣт в нем воздуха, которым дышишь ты!

„Я буду мстить тебѣ. Когда, вернувшись с бала,
Ты, сбросив свой наряд, останешься одна,
В невольном забытьи задремлешь ты сначала,
Но в комнату твою войду я, как бывало,
И ночь твоя пройдет тревожно и без сна.

„И все забытое среди дневнаго гула
Тогда припомнишь ты: и день тот роковой,
Когда безжалостно меня ты обманула,
И тот, когда меня так грубо оттолкнула,
И тот, когда так зло смѣялась надо мной!

„Я мщу тебѣ за то, что жил я пресмыкаясь,
В безвыходной тоскѣ дары небес губя,
За то, что я погиб, словам твоим ввѣряясь,
За то, что, чуя смерть и с жизнью разставаясь,
Я проклял эту жизнь и душу и тебя!..“

Іюль 1884 г.

ПАМЯТИ ПРОШЛАГО.

Не стучись ко мнѣ в ночь безсонную,
Не буди любовь схороненную,—

Мнѣ твой образ чужд и язык твой нѣм,
Я в гробу лежу, я затих совсѣм.

Мысли ясныя мглой окутались,
Нити жизни всѣ перепутались,

И не знаю я, кто играет мной,
Кто мнѣ друг, кто мнѣ враг лихой.

С злой усмѣшкою, с рѣчью горькою
Ты приснилась мнѣ перед зорькою...

Не смотри ты так, подожди хоть дня,
Я в гробу лежу, обмани меня,

Вѣдь умершим лгут, вѣдь удѣл живых—
Ряд измѣн, обид, оскорбленій злых...

А едва умрем,—на прощаніе
Нам надгробное шлют рыданіе,

Возглашают нам память вѣчную,
Обѣщают жизнь... безконечную!
1887 г.

———o———

СТАРОСТЬ.

Бредет в глухом лѣсу усталый пѣшеход
И слышит: кто-то там далеко за кустами
Неровными и робкими шагами
За ним, как вор подкравшійся, ползет
Заныло сердце в нем, и он остановился.
„Не враг ли тайный гонится за мной?
Нѣт, мнѣ почудилось: то вѣрно лист сухой,

Цѣпляяся за вѣтви, повалися,
Иль заяц пробѣжал“... Кругом не видно зги.

Он продолжал путь знакомою тропою.
Но вот все явственнѣй он слышит за собою

Все тѣ же робкіе, неровные шаги.
И только разсвѣло, он видит близко, рядом
Идет старуха-нищая с клюкой,
Окинула его пытливым взглядом
И говорит: „Скиталец бѣдный мой!
Ужель своей походкою усталой
Ты от меня надѣялся уйти?

На тяжком жизненном пути
Исколесил ты верст не мало.
Вѣдь скоро, гордость затая,

Искать начнешь ты спутника ил крова...
Я—старость, я пришла без зова,
Подруга новая твоя!

На прежних ты роптал, ты проклинал измѣну...
О, я не измѣню, щедра я и добра:
Я на глаза очки тебѣ надѣну,
В усы и бороду подсыплю серебра,

Смѣшной румянец щек твоих я смою,
Чело почтенными морщинами покрою,—
Все измѣню в тебѣ: улыбку, поступь, взгляд...
Чтоб не скучал ты в праздности со мною,

К тебѣ болѣзней цѣлый ряд
Привью заботливой рукою.

Тебя в ненастные, сомнительные дни
Я шарфом обяжу, подам тебѣ калоши...
А зубы, волосы?.. На что тебѣ они?
Тебя избавлю я от лишней ноши.

Но есть могучій дар, он только мнѣ знаком:
Я опыт дам тебѣ,—в нем истина и знанье!
Всю жизнь ты их искал и сердцем и умом
И воздвигал для них причудливое зданье.

В нем правда было много красоты,
Но зданье это так не прочно!
Я об‘ясню тебѣ, как ошибался ты;
Я докажу умно и точно,

Что дружбою всю жизнь ты называл расчет,
Любовью—крови глупее волненье,
Наукою—безсвязных мыслей сброд,
Свободою—залог порабощенья,

А славой—болтунов измѣнчивое мнѣнье
И клеветы предательскій почет“...
„ Старуха, замолчи, остановись, довольно!—
Несчастный молит пѣшеход,—

Не даром сердце сжалося так больно,
Когда я издали почуял твой приход!
На что мнѣ опыт твой? Я от твоей науки

Отрекся б с ужасом и прежніе года.

Покончим разом все бери лопату в руки,
Могилу вырой мнѣ, столкни меня туда...
Не хочешь?—Так уйди!! душа еще богата
Воспоминаніем... надеждами полна.
И если дань тебѣ нужна,

Пожалуй, уноси с собою без возврата
Здоровье, крѣпость сил, румянец прежних дней,
Но вѣрю в жизнь оставь, оставь мнѣ увлеченье,
Дай мнѣ пожить еще мгновенье
В святых обманах юности моей!"

Увы! не отогнать докучную старуху!
Без устали она все движется вперед,
То шепчет и язвит, к его склонившись уху,
То за руку его хватает и ведет.

И привыкает он к старухѣ понемногу:
Не сердит уж его постутая болтовня,
И, если про давно пройденную дорогу
Она заговорит, глумяся и дразня,

Он чувствует в душѣ одну тупую скуку,
Безропотно бредет за спутницей своей
И, вяло слушая поток ея рѣчей,
Сам опирается на немощную руку.

1887 г.

———o———

ИЗ БУМАГ ПРОКУРОРА.

Классически я жизнь окончу тут.
Я номер взял в гостиницѣ, извѣстной
Тѣм, что она—излюбленный пріют
Людей, как я, которым в мірѣ тѣсно.
Слегка поужинал, спросил
Бутылку хереса,бумаги n чернил
И разбудить себя велѣл часу в десятом.
Слѣдя прилежно за собой,
Я в зеркало взглянул. В лицѣ, слегка помятом
Безсонными ночами и тоской,
Слѣдов не видно лихорадки.
Револьвер осмо̀трѣл я: все в порядкѣ...

Теперь пора мнѣ приступить к письму.
Так принято: пред смертью на прощанье
Всегда строчат кому-нибудь посланье...
И я писать готов, не знаю лишь кому.

Писать родным... зачѣм? Нежданное наслѣдство
Утѣшит скоро их в утратѣ дорогой.
Писать товарищам, друзьям любимым с дѣства..
Да гдѣ они? Нас жизненной волной

Судьба давно навѣки раздѣлила,
И будет им, как я, чужда моя могила...
Вот если написать кому-нибудь из них,
Из свѣтских болтунов, пріятелей моих,—

О, Боже мой! какую я услугу
Им оказать бы мог! Пріятель с тѣм письмом
Перебѣгать начнет из дома в дом
И расточать хвалы исчезнувшему другу...

Про мой конец он выдумает сам
Какой-нибудь роман в игривом родѣ
И, забавляя им от скуки мрущих дам,
Недѣлю цѣлую, пожалуй, будет в модѣ.

Есть у меня знакомый прокурор
С болѣзненным лицом и умными глазами...
Случайность странная: нерѣдко между нами
Самоубійц касался разговор.

Он этим дѣлом занят спеціально;
Чуть гдѣ-нибудь случилася бѣда,
Уж он сейчас бѣжит туда
С своей улыбкою печальной

И все изслѣдует: как, что и почему.
С научной цѣлью напишу ему

О собственном концѣ отчет подробный...
В статистику его пошлю мой вклад загробный!

„Любезный прокурор, вам интересно знать,
Зачѣм я кончил жизнь так неприлично?
Сказать по правдѣ, я логично
Вам правоту свою не мог бы доказать,

Но снисхожденія достоин я. Когда бы
Вы поручились мнѣ, что я умру,
Ну, хоть, положим, завтра в вечеру
От воспаленья или острой жабы,—

Я б терпѣливо ждал. Но я совсѣм здоров
И вовсе не смотрю в могилу;
Могу еще прожить я множество годов,
А жизнь переносить мнѣ больше не под силу,

И, как бы я ее ни жег и ни ломал,
Боюсь; не сузится мой пищевой канал

И не расширится рвота...
А потому я смерть избрал иного сорта.

Я жил, как многіе, как всѣ почти живут
Из круга нашего,—я жил для наслажденья;
Работника здоровый, бодрый труд
Мнѣ не знаком был с самаго рожденья.

Но с отроческих лѣт я начал в жизнь вникать,
В людскія дѣйствія, их цѣли и причины,
И стерлась дѣтской вѣры благодать,
Как блѣдной краски слѣд с неконченной картины.

Когда ж, при свѣтѣ разума и книг,
Мнѣ в даль вѣков пришлося углубиться,
Я человѣчество столь гордое постиг,
Но не постиг того, чѣм так ему гордиться.

„Близ солнца, на одной из маленьких планет,
Живет двуногій звѣрь некрупнаго сложенья,
Живет сравнительно еще не много лѣт
И думает, что он—вѣнец творенья,

Что всѣ сокровища еще безвѣстных стран
Для прихоти его природа сотворила,
Что для него ревет в час бури океан.
И борется звѣрек с судьбой настолько можно,
Хлопочет день и ночь о счастіи своем,
С расчетом на вѣка устраивает дом...
Н вѣтер на него пахнул неосторожно,—

И нѣт его... пропал и слѣд...
И, умирая он не знает,
Зачѣм явился он на свѣт,
К чему он жил, куда он исчезает.

При этой краткости житейскаго пути,
В таком убожествѣ невѣдѣнья, безсилья
Должны бы путники соединить усилья
И дружно общій крест нести...

Нѣт, люди—эти бѣдные микробы—
Друг с другом борются, полны
Нелѣпой зависти и злобы.
Им слезы ближняго нужны,

Чтоб жизнью наслаждаться вдвое,
Им больше горя нѣт, как счастіе чужое!
Властители, рабы, народы, племена,—

Всѣ дышат лишь враждой, и всѣ стоят на-
стражѣ...
Куда не посмотри, вездѣ одна и та же

Упорная, безумная война!!
Невыносимо жить!
„Я вижу: с нетерпѣньем

Посланіе мое вы прочитали вновь,
И прокурорскій взор туманится сомнѣньем...
„Нѣт, это все не то, тут вѣрно есть любовь“...

Так режиссер в молчаньи строгом
За ролью новичка слѣдит из-за кулис...
„Ищите женщину,“—вѣдь это ваш девиз?
Вы правы, вы нашли. А я— клянуся Богом!—

Я не искал ея. Нежданная, она
Явилась предо мной, и так же, как начало,
Негадан был конец... Но вам сознанья мало,
Вам исповѣдь подробная нужна.

Хотите имя знать? Хотите нумер дома,
Иль цвѣт ея волос? Не все ли вам равно?..
„Повѣрьте мнѣ: она вам незнакома
И ваш угрюмый край покинула давно.

О, гдѣ теперь она? В какой странѣ далекой
Красуется ея спокойное чело?
Гдѣ ты, мой грозный бич, каравшій так жестоко?
Гдѣ ты, мой свѣтлый луч, ласкавшій так тепло?

„Давно потух огонь, давно угасли страсти,
Как сон, пропали дни страданій и тревог...
Но выйти из твоей неотразимой власти,
Но позабыть тебя я все-таки не мог!

„И еслиб ты сюдо вошла в мой час послѣдній.
Как прежде, гордая, без рѣчи о любви,
И прошептала мнѣ: „Оставь пустыя бредни,
Забудем прошлое, я так хочу, живи!“—

„О, даже и теперь я счастія слезами
Отвѣтил бы на зов души твоей родной
И, как послушный раб, опять, гремя цѣпями,
Не зная сам куда, побрел бы за тобой...

„Но, нѣт! ты не войдешь. Из мрака ледяного
В меня не брызнет свѣт от взора твоего,
И звуки голоса когда-то дорогого
Не вырвут, не спасут, не скажут ничего.

„Однако я вдался в лиризм... Некстати!
Смѣшно элегію писать перед концом...
А впрочем, я пишу не для печати,
И лучше кончить дни стихом,

Чѣм жизни подводить печальные итоги..
Да, если б вспомнил я обид безцѣльных ряд
И тайной клеветы могучій яд,
Всѣ дни, прожитые в мучительной тревогѣ,

Всѣ ночи, проведенныя в слезах,

Все то, чѣм я обязан людям-братьям,—
Я разразился бы на жизнь таким проклятьем.—
Что содрогнуться б мог Создатель в небесах!

Но я не так воспитан: уваженье
Привык имѣть к предметам я святым,
И, не ропща на Провѣденье,
Почтительно склоняюсь перед ним.

„В какую рубрику меня вы помѣстите?
Кто виноват: любовь, наука или сплин?
Но еслиб не нашли разумных вы причин,
То все же моего поступка не сочтите

За легкомысленный порыв.
Я даже помню день, когда, весь мір забыв,
Читал и жег я строки дорогія,
И мысль покончить жизнь явилась мнѣ впервые.

Тогда во мнѣ самом все было сожжено,
Разбито, попрано... И, смутная сначала,
Та мысл: в больное сердце, как зерно
На почву благородную, упала.

Она таилася на самом днѣ души,
Под грудой тлѣющаго пепла;
Среди тяжелых дум она в ночной тиши
Сознательно сложилась и окрѣпла...

О, посмотрите же кругом:
Не один я ищу спасенія в покоѣ!

В эпоху общаго унынья мы живем,
Какое-то повѣтріе больное—

Зараза нравственной чумы—
Над нами носится и ловит и тревожит
Порабощенные умы.

И в этой самой комнатѣ, быть может,
Такіе же, как я, изгнанники земли
Послѣдніе часы раздумья провели.

Их лица блѣдныя, дрожа от смертной муки,
Мелькают предо мной в зловѣщей тишинѣ,
Окровавленныя, блуждающія руки
Они из нѣдр земли протягивают мнѣ...

Они—преступники. Они без позволенья
Ушли в безвѣстный путь от пристани земной...
Но обвинять ли их? Винить ли жизни строй,
Безсмысленный и злой, не знающій прощенья?

Как опытный и свѣдущій юрист,
Всѣ степени вины обсудите вы здраво.
Вот застрѣлился гимназист,
Не выдержав экзамена... Он, право,

Не меньше виноват... С платформы под вагон
Прыгнул сѣдой банкир, сыгравшій неудачно;
Повѣсился бѣдняк затѣм, что жил невзрачно,
Что жизни благами не пользовался он...

О, эти блага жизни!.. С наслажденьем
Я б отдал их за жизнь лишеній и труда...
Но только б мнѣ забыть прожитые года,
Но только бы я мог смотрѣть не с отвращеніем,

А с теплой вѣрой дѣтских дней
На лица злобныя людей.

Не думайте, чтоб я, судя их строго,
Себя считал умнѣй и лучше много,—

Чтоб я несчастный мой конец
Другим хотѣл поставить в образец.

Я не ряжуся в мантію героя,
И вѣрьте, что мучительно весь вѣк
Я презирал себя. Что я такое?
Я просто жалкій, слабый человѣк

И, может быть, слегка больной—душевно.
Вам это лучше знать. Вы часто, ежедневно

Суб‘ектов видите таких;
Сравните, что у вас написано о них,

И, к свѣдѣнью приняв науки указанья,
Постановите приговор.
Прощайте же, любезный прокурор...
Жаль, не могу сказать вам: „до свиданья.“

Письмо окончено, и выпита до дна

Бутылка сквернаго вина.

Я отворил окно. На улицы пустыя
Громадой черною смотрѣли облака.
Осенній вѣтер дул, и капли дождевыя
Лѣниво падали, как слезы старика.

Потухли фонари. Казалось, поневолѣ
Веселый город наш в холодной мглѣ уснул,
И замер вдалекѣ послѣдних дрожек гул.
Так час прошел, ил два, а может быть и болѣ,—

Не знаю. Вдруг в безмолвіи ночном,
Отчетливо, протяжно и тоскливо
Раздался дальній свист локомотива...
О, этот звук давно уж мнѣ знаком!

В часы безсонницы, до бѣшенства, до злости,
Бывало он терзал меня,
Напоминая близость дня...
Кто с этим поѣздом к нам ѣдет? Что за гости?

Рабочіе, конечно, бѣдный люд...
Из дальних деревень они сюда везут

Здоровье, бодросоть, силы молодыя,
И все оставят здѣсь...
Поля мои родныя!

И я,—увы! не в добрый час,—
Для призраков пустых когда-то бросил вас.

Мнѣ кажется, что там, в далеком старом домѣ,
Я мог бы жить еще...

Іюльскій день затих.
Избавившись от всѣх трудов дневных,

Я вышел в радостной истомѣ
На покрившійся балкон.
Перед балконом старый клен

Раскинул вѣтви, ярко зеленѣя,
И пышных лип широкая аллея
Ведет в заглохшій сад. В вечерней тишинѣ

Не шелохнется лист, цвѣты блестят росою,
И запах сѣна с пѣсней удалою
Из-за рѣки доносится ко мнѣ.

Вот легкій шум шагов. Вдали, платком махая,
Идет ко мнѣ жена... О, нѣт! не та,—другая:

Простая, кроткая и дѣти жмутся к ней...
Дѣтей и больше, маленьких дѣтей!

За липы спрялался послѣдній луч заката,
Тепла нѣмая ночь. Вот ужин, а потом
Бесѣда тихая, Бетховена соната,
Прогулка по саду вдвоем,

И крѣпкій сон до новаго разсвѣта...
И так вдали от суетнаго свѣта

Летѣли б дни и годы без числа...
О Боже мой! Стучат... Ужели ночь прошла?

Да, тусклый, мокрый день сурово
Глядит в окно. Что ж, развѣ отворить?
Попробовать еще по-новому пожить?
Нѣт, тяжело! Увидѣть снова

Толпу противных лиц со злобою в глазах
И уши длинныя на плоских головах

И этот наглый взгляд, предательскій и лживый..
Услышать снова хор фальшивый

Тупых затверженных рѣчей...
Нѣт, ни за что! Опять стучат... Скорѣй!

Пусть мой послѣдній стих, как я, бобыль
ненужный,
Останется без риѳмы...

Октябрь 1888 г.

———o———

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

———o———

Денек веселый! С давних пор
Обычай есть патріархальный
У нас: и лгать и всякій вздор
Сегодня всѣм пороть нахально;

Хоть ложь-то, впрочем, привилась
Так хорошо к нам в самом дѣлѣ,
Что каждый день в году у нас
Отчасти—первое апрѣля.

Ну, вот НН, пріятель мой,
Он вѣчно лжет и мрачен вѣчно;
Не мудрено: его порой
Бранят за то... теперь безпечно

Смѣется, шутит... Как понять?
А! понимаю: пустомеля
Всѣм безопасно может врать:
Сегодня—первое апрѣля.

Приносят мнѣ письмо. Его
Я чуть не рву от нетерпѣнья,—
Оно от друга моего.
Однако, что за удивленье?

В нем столько чувства, даже честь
Во всем: и в мыслях и на дѣлѣ.
Смотрю на подпись: так и есть!
Читаю: первое апрѣля.

Знакомых встрѣтите... на вас
Всѣ смотрят с подозрѣньем тоже.
„Скажите мнѣ, который час?"—
Вдруг спросят как-то злѣй и строже.

— Такой-то.—„Ах, неправда, нѣт:
Вы с нами пошутить хотѣли.“
Что ж, нынче шутит цѣлый свѣт:
Сегодня—первое апрѣля.

А я теперь, наоборот,
Способен даже больше вѣрить:
Сегодня всякій, правда, лжет,
Зато не нужно лицемѣрить...

Сегодня можно говорить
Всѣм правду, мѣтко в друга цѣля,
Потом все в шутку обратить:
„Сегодня—первое апрѣля.“

Сегодня мнѣ скажите вы,
Что не берут в Россіи взяток,
Что город есть сквернѣй Москвы,
Что в „Пчелкѣ“ мало опечаток,

Что в свѣтѣ мало дураков...
Вполнѣ достигните вы цѣли,
Всему повѣрить я готов:
Сегодня—первое апрѣля.

5-го апрѣля 1857 г.

———0———

ДАВНО-ЛЬ, ВАШ ГОРОД ПРОѢЗЖАЯ.

———о———

Давно-ль, ваш город проѣзжая,
Вошел я в старый, тихій дом
И, словно гость случайный рая,
Душою ожил в домѣ том!

Давно ли, кажется? А годы
С тѣх пор подкрались и прошли,
И часто, часто, в дни невзгоды,
Мнѣ свѣтлых призраков вдали

Являлась милая картина.
Я помню: сѣренькій денек,
По красным угольям камина
Перебѣжавшій огонек

И ваши пяльцы и узоры,
Рояль, рисунки и цвѣты,
И разговоры, разговоры—
Плоды довѣрчивой мечты...

И вот опять под вашим кровом
Сижу—случайный пилигрим...
Но тѣм живым, горячим словом
Мы обмѣняться не спѣшим.

Мы, долго странствуя без цѣли,
Забыв, куда и как идти,—

Сказать не смѣю,—постарѣли,
Но... утомились на пути.

А гдѣ же тѣ, что жили вами,
Кѣм ваша жизнь была полна?
С улыбкой горькою вы сами
Их перебрали имена:

Тот умер, вышла замуж эта
И умерла тому уж год;
Тот измѣнил вам в вихрѣ свѣта,
Та за границею живет...

Какой-то бурей дикой, жадной
Их уносило безпощадно,
И длинный ряд нѣмых могил
Их милый образ замѣнил...

А наши думы и стремленья,
Надежды, чувства прежних лѣт?
Увы! от них пропал и слѣд,
Как от миражей сновидѣнья...

Одни судьбой в архив зданы
И там гніют под слем пыли,
Другіе горем сожжены,
Тѣ—нам, как люди, измѣнили...

И мы задумались, молчим...
Но нам не тягостно молчанье,
И изрѣдка годам былым
Роняем мы воспоминанье.

Так иногда докучный гость,
Чтоб разговор не замер сонный,
Перед хозяйкой утомленной
Роняет пошлость или злость.

И самый дом глядит построже,
Хоть измѣнился мало он:
Диваны, кресла—все в нем то же,
Но заперт на-глухо балкон...

Тафтой задернута картина
И, как живой для нас упрек,
По красным угольям камина
Бѣжит и блещет огонек...

1891 г:

———0———

БЫЛА ПОРА: ЧТО БЫЛО ЧЕСТНО.

Была пора: что было честно,
Талантливо в родном краю,—
Сходились дружески и тѣсно
В литературную семью;

Назваться „ автором" рѣшался
Тогда не всякій спекулянт...
И как смѣшон для всѣх казался
Уединенный дилетант!!

Потом пришла пора иная:
Россія встала от сна,—
Литература молодая
Ей оставалася вѣрна;

Добру, отчизнѣ, мыслям чистым
Служил писателя талант,
И перед смѣлым публицистом
Краснѣл ненужный дилетант.

Но все не прочно в нашем вѣкѣ...
С тѣх пор как в нумѣрѣ любом
Я мог прочесть о Львѣ Камбекѣ
И не прочесть о Львѣ Толстом,

Я перестал сѣдлать Пегаса:
Милѣй мнѣ скромный Россинант.
Что мнѣ до Русскаго Парнаса! !
Я—извѣстный дилетант...

Родился я в семьѣ дворянской,
Чѣм буду мучиться по гроб.
Моя фамилья—не Виѳанскій,
Отец мой не был протопоп;

О хріях, жупелѣ и пеклѣ
Мнѣ чужд бурсацкій ѳоліант,
Меня под праздники не сѣкли...
Я— дилетант, я--дилетант...

На площадях перед народом
Я в пьяном видѣ не лежал,
„Срижом“, „лукошком,“ „бутербродом“
Своих противников не звал;

Болѣзнью, брюхом или носом
Их не корил, как пасквилянт,
И не входил о них с доносом...
Я—дилетант, я—дилетант.

Я нахожу, и в том виновен,
Что Пушкин был не идіот,
Что выше сапогов—Бетховен
И что искусство не умрет;

Чту имена,——не знаю, кстати ль?—
Как, напримѣр, Шекспир и Дант...
Ну, так какой же я писатель!
Я—дилетант, я—дилетант.

Хоть не легко признаться в том:
В грѣхѣ я каюся сугубом,
Знаком я с графомом Сологубом
И с князем Вяземским знаком!...

Не подражая правам скиѳов,
Бѣлье мѣняю, хоть не франт...
Мнѣ—не родня Гіероглифов...
Я—дилетант, я— дилетант...

Я не ищу похвал минувших,
Я не гонюсь за славой дня,
И Лонгинов вѣков грядущих
Пропустит, может быть, меня.

Зато и в спискѣ негодяев
Не помѣстит меня педант:
Я—не Булгарин, не М—аев...
Я—дилетант, я—дилетант.

В 60-х годах.

ПЕРЕД ОПЕРАЦІЕЙ.

„Вы говорите, доктор, что исход
Сомнителен? Ну, что ж, Господня воля.
Вѣдь мнѣ пошел пятидесятый год.
Довольно я жила. Вот только бѣдный Коля

Меня смущает: слишком пылкій нрав,
Идеям новым предан он так страстно;
Мнѣ трудно спорить с ним; он, может быть, и прав...
Боюсь, что жизнь свою загубит он напрасно.

О, если б мнѣ дожить до радостнаго дня,
Когда он кончит курс и выберет дорогу.
Мнѣ хлороформ не нужен: слава Богу,
Привыкла к мукам я... А около меня

Портреты всѣх дѣтей поставьте, доктор милый:
Пока могу смотрѣть, хочу я видѣть их.
Повѣрьте: в лицах дорогих
Я больше почерпну терпѣнія и силы.

Вы видите: вон там, на той стѣнѣ,
В дубовой рамкѣ—Коля, в черной—Митя...
Вы помните, когда он умер в дефтеритѣ
Здѣсь на моих руках, вы все твердили мнѣ,

Что заражусь я непремѣнно тоже.
Не заразилась я, прошло пятнадцать лѣт...
Что вытерпѣла я болѣзней, горя, Боже!
Вы, доктор, знаете... А гдѣ же Саша? Нѣт,

Тут он с своей женой... Бог с нею...
Снимите тот портрет, в мундирѣ, подлѣ вас.
Невольно духом я слабѣю,
Как только встрѣчу взгляд ея холодных глаз.

Все Сашу мучит в ней: безцѣльное кокетство,
Характер адскій, дикая вражда
К семейству нашему... Вы знали Сашу с дѣтства;
Не жаловался он ребенком никогда,

А тут, в послѣдній раз,—но это между нами,—
Он начал говорить мнѣ о женѣ,
Потом вдруг замолчал, упал на грудь ко мнѣ
И плакал дѣтскими безсильными слезами.

Я людям все теперь простить должна,
Но каюсь: этих слез я не простила...
А прежде как она любила,
Каким казалась ангелом она!

Вот Оля с дѣтками. За этих, умирая,
Спокойна я. Наташа, ангел мой,
Уставила в меня глазенками, как живая,
И хочет выскочить из рамки золотой.

Мнѣ больно шевельнуть рукой. Перекрестите
Хоть вы меня... Смѣшно вам, старый атеист!
Что ж дѣлать!—Бог простит. Вот так, да отворите
Окно. Как воздух свѣж и чист,

Как быстро тучки бѣлыя несутся
По неразгаданных, жестоким небесам...
Да вот еще: к моим похоронам,
Конечно дѣти соберутся.

Скажите им, что, умирая, мать
Благослвила их и любит,—но ни слова,
Что я так мучилась.. Зачѣм их огорчать?
Ну, доктор, а теперь начните: я готова.“

Октябрь 1888 г.

——o——

ПОСВЯЩЕНІЕ.

———o———

Еще свѣжа твоя могила,
Еще и вьюга с высоты
Ни разу снѣгом не покрыла
Ея поблекщія цвѣты;

Но я устал от жизни этой,
И безотрадной и тупой,
Твоим дыханьем не согрѣтой,
С твоими днями не слитой.

Увы! ребенок ослѣпленный,
Иного я от жизни ждал:
В туманѣ берег отдаленный
Мнѣ так привѣтливо сіял.

Я думал: счастья, страсти шумной
Мнѣ много будет на пути,—
И, Боже, как хотѣл, безумный,
Я в дверь закрытую войти!

И я поплыл... Но что я видѣл
На том желанном берегу,
Как, запылав, возненавидѣл,
Пересказать я не могу.

И вот, с разбитою душою,
Мечту отбросивши свою,

Я перед дверью роковую
В недоумѣніи стою.

Остановлюсь ли у дороги,
С пустой смѣшаюсь ли толпой,
Иль, не стерпѣв души тревоги,
Отважно кинусь я на бой?

В борьбѣ неравной—юный воин,
В боях—неопытный боец,
Как ты, я буду ль тверд, спокоен?
Как ты, паду ли наконец?

О, гдѣ б твой дух, для нас незримый,
Теперь счастливый ни ветал,
Услышь мой стон, мой стих любимый,—
Я их от сердца оторвал!

А если нѣт тебя... О, Боже!
К кому ж идти? Я здѣсь чужой...
Ты итеперь мнѣ всѣх дороже,
В могилѣ темной и нѣмой.

13-го августа 1859 г.

МОЛОДАЯ УЗНИЦА.

———o———

„Неспѣлый колос ждет, нетронутый косой,
Все лѣто виноград питается росой,
Грозящей осени не чуя;
Я так же хороша, я так же молода!

Пусть всѣ полны кругом и сраха и стыда,—
Холодной смерти не хочу я!

„Лишь стоик сгорбленный бѣжит навстрѣчу к ней,
Я плачу грустная... В окно тюрьмы моей

Привѣтно смотрит блеск лазури,
За днем безрадостным и радостный придет:
Увы! кто пил всегда без пресыщенья мед?
Кто видѣл океан без бури?

„Широкая мечта живет в моей груди,
Тюрьма гнетет меня напрасно впереди

Летит, летит надежда смѣло...
Так, чудом избѣжав охотника сѣтей,
В родные небеса, счастливѣй и смѣлѣй,
Несется с пѣсней Филомела.

„О, мнѣ ли умереть? упреком не смущен,
Спокойно и легко проносится мой сон

Без дум, без призраков ужасных;
Являюсь ли утром—всѣ привѣтствуют меня,
И радость тихую в глазах читаю я
У этих узников несчастных.

„Жизнь, как знакомый путь, передо мной свѣтла,
Еще деревьев тѣх немного я прошла,

Что смотрят на дорогу нашу;
Пир жизни начался, и, кланяясь гостям,
Едва-едва поднесть успѣла я к губам
Свою наполненую чашу.
„Весна моя цвѣтет, я жатвы жду с серпом:
Как солнце, обойдя вселенную кругом,
Я кончить год хочу тяжелый;
Как зрѣющій цвѣток, краса своих полей,
Я свѣт увидѣла из утренних лучей,—
Я кончить день хочу веселый.
„О, смерть! меня твой лик забвенный не манит.
Ступай утѣшить тѣх, кого печаль томит,
Иль совѣсть мучит, негодуя...
А у меня в груди тепло струится кровь,
Мнѣ рощи темныя, мнѣ пѣсни, мнѣ любовь...
Холодной смерти не хочу я!"
Так, пробудясь в тюрьмѣ, печальный узник сам,
Внимал тревожно я замедленным рѣчам
Какой-то узницы... И муки,
И в стройные стихи, томясь, перелагал
И ужас, и тюрьму,—я все позабыл
Ея плѣнительные звуки.
Тѣ пѣсни, чудные свидѣтели тюрьмы,
Кого-нибудь склонять пѣвицу этой тьмы
Искать, назвать ее своею...
Был полон прелести акорд звенящих нот,
И, как она, за дни бояться станет тот,
Кто будет проводить их с нею.

13-го декабря 1858 г.

ПЕРВОЙ РОЗѢ.

Что так долго и жсстоко
Не цвѣла ты, дочь Востока,
Гостя нашей стороны?
Пронеслись они, блистая,
Золотыя ночи мая,
Золотые дни весны.

Знаешь: тут, под тѣнью сонной,
Ждал кого-то и, влюбленный,
Пѣл печально соловей,
Пѣл так долго и так нѣжно,
Так глубоко-безнадежно
Об измѣнницѣ своей.

Если б ты тогда явилась,
Как бы чудно оживилась
Пѣсня, полная обой!
Как бы он, пѣвец крылатый,
Наслажденіем об'ятый,
Изнывал перед тобой!

Словно перлы дорогіе,
На листы твои живые
Тихо б падала роса,
И сквозь сумрачныя ели
Высоко б на вас глядѣли
Голубыя небеса.

19-го іюня 1858 года.

КАРТИНКА.

С невольным трепетом я, помню, раз стоял
Перед картиной безымянной:
Один из ангелов случайно пролетал
У берегов земли туманной.

И что ж? На кроткій лик нѣмая скорбь легла,
В его очах недоумѣнье:
Не думал он найти так много слез и зла
Среди цвѣтущаго творенья!

Так вам настанет срок. На шумной жизни пир
Пойдете тихими шагами...
Но он вам будет чужд, холодный этот мір,
С его безумством и страстями!

Нѣт, пусть же лучше вам не знать его! Пускай
Для вас вся жизнь пройдет в покоѣ,
Как покидаемый навѣки вами рай,
Как ваше дѣтство золотое!

11-го іюня 1858 г.

К УТЕРЯННЫМ ПИСЬМАМ.

Как по товарищу недавней нищеты
Друзья терзаются живые,
Так плачу я о вас,, завѣтные листы,
Воспоминанья дорогія!..

Бывало, утомясь страдать и проклинать,
Томим безцѣльною тревогой,
Я с напряженіем прочивал опять
Убогих тайн запас убогій.

В однѣх я уловлял участья краткій миг,
В других—какой-то смѣх притворный,
И всѣ благословлял и всѣ в мечтах моих
Хранил я долго и упорно.

Но больше всѣх одно мнѣ памятно... Оно
Кругом исписано все было,
Намѣсто подписи—чернильное пятно,
Как бы стыдяся, имя скрыло.

Так много было в нем раскаянья и слез,
Так мало слов и фразы шумной,
Что, помню, я и сам тоски не перенес
И зарыдал над ним, безумный.

Кому же нужно ты, нескладное письмо,
Зачѣм другой тобой владѣет?
Кто разберет в тебѣ страданія клеймо
И оцѣнить тебя сумѣет?

Хозяин новый твой не скажет ли, шутя,
Что чувства в авторѣ глубоки,
Иль просто осмѣет, как глупое дитя,
Твои оплаканныя строки?..

Найду ли я тебя? Как знать! Пройдут года,
Тебя вернет мнѣ добрый геній...
Но как мы встрѣтимся?.. Что буду я тогда,
Затерянный в глуши сомнѣній?

Быть может, как рука, писавшая тебя,
Ты станешь чуждо мнѣ с годами?
А может быть, опять, страдая и любля,
Я оболью тебя слезами?

Бог вѣсть! Но та рука еще живет; на ней,
Когда-то теплой и любимой,
Всей страсти, всей тоски, всей муки прежних дней
Хранится слѣд неизгладимый.

А ты!.. твой слѣд пропал... Один в тиши ночной
С пустой шкатулкою сижу я,
Сгорѣвшая свѣча дрожит передо мной,
И сердце замерло тоскуя.

25-го января 1858 г.

——— 0 ———

КОМЕТА.

Бог шлет на нас ужасную комету;
Мы участи своей не избѣжим.
Я чувствую: конец подходит свѣту,
Всѣ компасы исчезнут вмѣстѣ с ним.

С пирушки прочь вы, пившіе без мѣры,
Немногим был по вкусу этот пир,—
На исповѣдь скорѣе, лицемѣры!
Довольно с нас,—состарѣлся наш мір!...

Да, бѣдный шар, тебѣ борьбы отважной
Не выдержать, настал послѣдній час:
Как спущенный с веревки змѣй бумажный,
Ты полетишь, качаясь и крутясь.

Перед тобой безвѣстная дорога...
Лети туда, в безоблачный эѳир...
Погаснет он,—свѣтил еще так много!
Довольно с нас,—состарѣлся наш мір!..

О, мало ли опошленных стремленій,
Прозваньями украшенных глупцов,
Грабительств, войн, обманов, заблужденій,
Рабов-царей и подданных-рабов!

О, мало ль мы от будущаго ждали,
Лелѣяли наш мелочный кумир!...
Нѣт, слишком много желчи и печали.
Довольно с нас,—состарѣлся наш мір!..

А молодежь, твердить мнѣ: „Все в движеньи,
Все под шумок гнилыя цѣпи рвет,
И свѣтит газ, и зрѣет просвѣщенье,
И по морю летает пароход...

Вот, подожди, раз двадцать минет лѣто,
Не мрак ночной—повѣет дня зефир.“
— Я тридцать лѣт, друзья, все жду разсвѣта!
Довольно с нас,—состарѣлся наш мір!..

Была пора, во мнѣ любовь кипѣла,
В груди кипѣл запас горячих сил...
Не покидать счастливаго предѣла
Тогда я землю пламенно молил.

Но я отцвѣл; краса бѣжит поэта;
Навѣк умолк веселых пѣсен клир...
Иди ж скорѣй, нещадная комета!
Довольно с нас,—состарѣлся наш мір!..

——— 0 ———

СИРОТКА.

——— 0 ———

На могилѣ твоей, ох! родная моя,
Напролет всю-то ночку проплакала я,
И вот нынче в потемках опять,
Как в избѣ улеглись и на небѣ звѣзда
Загорѣлась, бѣгом я бѣжал сюда,
Чтоб меня не могли удержать.

Здѣсь, родная, частенько я вижусь с тобой
И отсюда теперь (пусть приходят за мной!)
Ни за что не пойду... Для чего?
Я лежу в колыбелькѣ... Так сладко над ней
Чей-то голос поет, что и сам соловей
Не напомнит мнѣ звуков его.

И родная так тихо ласкает меня...
Раз заснула она среди бѣлаго дня...
И чужіе стояли кругом:
На меня с сожалѣньем смотрѣли они;
А когда меня к ней на руках поднесли,
Я рыдала, не зная о чем.

И одѣли ее, и сюда привезли,
И запѣли протяжно и глухо дьячки:
„Со святыми ее упокой!“
Я прижалась от страха... не смѣла взглянуть..
И зарыли в могилу ее... и на грудь
Положили ей камень большой.

И потом воротились... С тѣх пор веселѣй
Уж никто не пѣвал над постелью моей,—
Одинокой осталася я.
А что послѣ,—не помню... Нѣт, помню: в избѣ
Жил какой-то старик... горевал о тебѣ,
Да бивал понапрасно меня.

Но потом и его уж не стало... Тогда
Я сироткой бездомной была названа.
Я живу у чужих на бѣду:

И ругают меня, и в осенніе дни,
Как на печках лежат и толкуют они,
    За гусями я в поле иду.

Ох, родная! могила твоя холодна...
Но людского участья теплѣе она:
    Здѣсь могу я свободно дышать;
Здѣсь не люди стоят, а деревья одни,
И усмѣшкою злой не смѣются они,
    Как начну о тебѣ тосковать.

Сиротою не будут гнушаться, как тѣ,—
Нѣт! они будто стонут в ночной темнотѣ.
    Все кругом будто плачет со мной,
И так пасмурно туча на небѣ висит,
И так жалобно вѣтер листами шумит
    Да поет мнѣ про пѣсни родной.

1-го октября 1855 г.

ГОЛГОѲА.

Распятый на крестѣ нечистыми руками
Меж двух разбойников, Сын Божій умирал.
Кругом—мучители нестройными толпами,
У ног рыдала мать. Девятый час настал:

Он предал дух Отцу.—тьма об'яла землю,
И гром гремѣл, и, гласу гнѣва внемля,

Евреи в страхѣ пали ниц...
И дрогнула земля, разверзлась тьма гробниц,

И мертвые, возстав, явилися живыми...
А между тѣм, в далеком Римѣ

Надменный временщик безумно пировал,
Стяжаніем неправедным богатый,
И у ворот его палаты
Голодный нищій умирал.

А между тѣм софит, на догматы ученья
Всѣ доводы ума напрасно истощив,
Под бременем неправд, под игом заблужденья,
Являлся в сомнищах уныл и молчалив.

Народ блуждал во тьмѣ порока,
Неслись стенанія с земли,—
Все ждало истины...
И скоро от Востока
Пришельцы новое ученье принесли...
И старцы разумом и юные душою,

С молитвой пламенной, с крестом на раменах
Они пришли—и пали в прах
Слѣпые мудрецы пред рѣчію святою.
И нищій жизнь благословил,
И в запустѣніи богатаго обитель,
И в прахѣ идолы, а в храмах Бога сил
Сіяет на крестѣ Голгоѳскій Искупитель!
17-го апрѣля 1855 г.

ПОЭТ.

Взгляните на него, поэта наших дней,
Лежащаго во прахѣ пред толпою:
Она—кумир его, и ей
Поет он гимн, вѣнчанный похвалою.

Толпа сказала: „Не дерзай
„Гласит нам истину холодными устами!!
Не нужно правды нам, скорѣе расточай
Запасы льстивых слов пред нами.“

И он в душѣ оледенил
Огонь вскипающаго чувства,
И тот огонь священный замѣнил
Одною ржавчиной искусства;

Он безразсудно пренебрег
Души высокое стремленье
И дерзко произнес, низверженный пророк,
Слова упрека и сомнѣнья;

Воспѣл порочный пир палат,
Презрѣнья к жизни дух безплодный,
Приличьем скрашенный разврат,
И гордость мелкую, и эгоизм холодный...

Взгляните: вот и кончил он,
И, золото схватив дрожащею рукою,
Бѣжит поэт к безсловному покою,
Как раб, трудами изнурен!!

Таков ли был питомец Феба,
Когда, святого чувства полн,
Он пѣл красу родного неба
И шум лѣсов и ярость волн;

Когда в простых и сладких звуках
Творцу міров он гимны пѣл?
Их слушал раб в тяжелых муках,
Пред ними варвар цѣпенѣл!

Поэт не требовал награды,—
Не для толпы он пѣснь слагал:
Он покидал, свободный, грады,
В дубравы тихія бѣжал,

И там, гдѣ горы возвышались,
В свободной, дикой сторонѣ,
Поэта пѣсни раздавались
В ненарушимой тишинѣ.
29-го сентября 1854 г.

ДУМА МАТЕРИ.

Ты спишь, дитя, а я встаю,
Чтоб слезы лить в нѣмой печали;
Но на твоем лицѣ оставить не дерзали
Страданія печать ужсную свою.
Попрежнему улыбка молодая
    Цвѣтет на розовых устах,
И дѣтскій смѣх, мой ропот прерывая,
Нерѣдко слышится в давно глухих стѣнах!

Полураскрыты глазки голубые,
Плечо и грудь обнажены,
И на подобіе волны
Играют кудри золотые...

О, если бы ты знал, младенец милый мой,
С какой тоскою сердце бьется,
Когда к моей груди прильнешь ты головой
И звонкій поцѣлуй щеки моей коснется! !

Воспоминанья давят грудь...
Как нѣжно обнимал отец тебя порою!
И, вѣрь, уж год, как нѣт его с тобою.
Ах, если б вмѣстѣ с ним в гробу и мнѣ заснуть!

Заснуть?.. А ты, ребенок милый,
Как в мірѣ жить ты будешь без меня?
Нѣт, нѣт! я не хочу безвременной могилы:
Пусть буду мучиться, страдать... но для тебя!

И не понять тебѣ моих страданій,—
Еще ты жизни не видал,
Не видѣл горьких испытаній
И мимолетной радости не знал.

Когда ж, значенія слезы не понимая,
В моих глазах ее примѣтишь ты,
Склоняется ко мнѣ головка молодая,
И предо мной встают знакомыя черты...
Спи, ангел, спи, невѣдѣньем счастливый
Всѣх радостей и горестей земных:

Сон безпокойный, нечестивый
Да не коснется вѣжд твоих,

Но Божій ангел свѣтозарный
К тебѣ с небес да низойдет
И гимн молитвы благодарной
К престолу Божію на утро отнесет.

5-го сентября 1854 г.

НИ ВЕСЕЛЬЯ, НИ СЛАДКИХ МЕЧТАНІЙ.

——— 0 ———

Ни веселья, ни сладких мечтаній
Ты в судьбѣ не видѣла своей:
Твоя жизнь была цѣпью страданій
И тяжелых, томительных дней.

Видно, Господу было так нужно:
Тебѣ крест Он тяжелый судил.
Этот крест мы несли с тобой дружно,—
Он обѣих нас жал и давил.

Помню я, как в минуту разлуки
Ты рыдала, родная моя,
Как, дрожа, твои бѣлыя руки
Горячо обнимали меня.

Всю любовь, всѣ мечты, всѣ желанья—
Все в словах перелить я хотѣл,
Но послѣднее слово страданья,
Оно замерло в миг разставанья,

Я его досказать не успѣл!
Это слово сказала могила:
Не состарившись, ты умерла,
Оттого, что ты слишком любила,

Ты спокойна в могилѣ безгласной,
Но один я в борьбѣ изнемог...
Он тяжел, этот крест ежечастный!
Он на грудь мнѣ всей тяжестью лег!!

И пока моя кровь не остынет,
Пока тлѣет в груди моей жар,
Он меня до конца не покинет,
Как твой лучшій и символ и дар!

24-го мая 1859 г.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Еще свѣжа твоя могила,
Еще и вьюга с высоты
Ни разу снѣгом не покрыла
Ея поблекшія цвѣты;

Но я устал от жизни этой,
И безотрадной и тупой,
Твоим дыханьем не согрѣтой,
С твоими днями не слитой.

Увы! ребенок ослѣпленный,
Иного я от жизни ждал:
В туманѣ берег отдаленный
Мнѣ так привѣтливо сіял.

Я думал: счастья, страсти шумной
Мнѣ много будет на пути,—
И, Боже, как хотѣл, безумный,
Я в дверь закрытую войти!

И я поплыл... Но что я видѣл
На том желанном берегу,
Как, запылав, возненавидѣл,
Пересказать я не могу.

И вот, с разбитою душою,
Мечту отбросивши свою,
Я перед дверью роковою
В недоумѣніи стою.

Остановлюсь ли у дороги,
С пустой смѣшаюсь ли толпой,
Иль, не стерпѣв души тревоги,
Отважно кинусь я на бой?

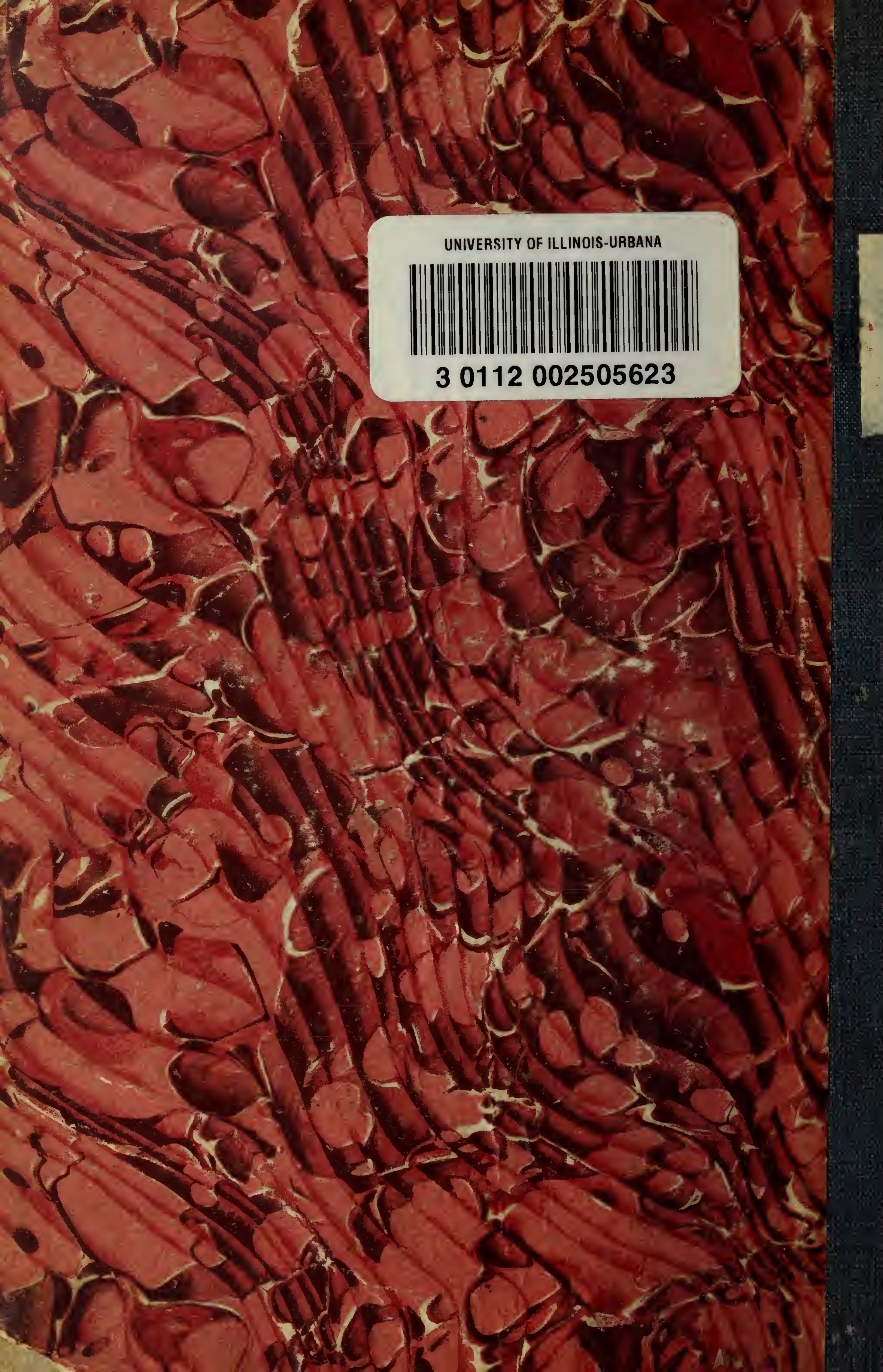
В борьбѣ неравной—юный воин,
В боях—неопытный боец,
Как ты, я буду ль тверд, спокоен?
Как ты, паду ли наконец?

О, гдѣ б твой дух, для нас незримый,
Теперь счастливый не витал,
Услышь мой стон, мой стих любимый,—
Я их от сердца оторвал!

А если нѣт тебя... О, Боже!
К кому ж идти? Я здѣсь чужой...
Ты и теперь мнѣ всѣх дороже,
В могилѣ темной и нѣмой.

13-го августа 1859 г.

Конец.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 002505623